

Бахтиёр Ирмухамедов

НЕТЛЕНКИ

КНИГА ВТОРАЯ

Бахтиёр Ирмухамедов

Нетленки. Книга вторая

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42572498

ISBN 9785449678126

Аннотация

В эту книгу вошли вторые 100 из числа моих ранних стихотворений. Подавляющее большинство произведений, представленных в данном сборнике, являются составной частью лирического цикла песен под названием «Стихи для Натали», созданного в первые три месяца 2001 года.

Содержание

ИЗДЕРЖКИ МОЛОДОСТИ	6
НЕПОДВЛАСТНОЕ ВРЕМЕНИ	8
«К вам обращаюсь я, братья во Пушкине...»	9
КОНЕЦ ВЕКА	10
«Мы стареем бесшумно и быстро...»	12
МОНОЛОГ ПРОСТИТУТКИ	13
«Раскрепощенная фривольна...»	15
ГРУСТНЫЙ ОПЫТ ЖИЗНИ	16
«Мне больно видеть, как в твоих глазах...»	18
СКАЗОЧНАЯ НОЧЬ	19
«Законы жизни создаем мы сами ...»	20
ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ	21
«Во дни, когда иссохнут слезы...»	23
«Не пытайтесь унижить поэта...»	24
«Если даже есть Аллах...»	25
«И в строках, и в строфах, и в песнях, и в одах...»	26
«Время теперь такое...»	27
СЛЕПОК	28
ДАБЛРУБАИ	30
«Пронеслось. Улеглось. Отзвучало...»	31
ПОГОВОРИ	33
ПОСЛЕДНЯЯ ПОСЛАНИЦА	35

«Я у осени сижу...»	36
«Ты привыкла играть ежедневно...»	38
«По ухабам ночных звездопадов...»	39
«Поймешь и ты – настанет срок, ...»	40
«Как долго я старею...»	41
«Мне хочется, чтоб ты была со мной...»	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Нетленки

Книга вторая

Бахтиёр Ирмухамедов

© Бахтиёр Ирмухамедов, 2019

ISBN 978-5-4496-7812-6 (т. 2)

ISBN 978-5-4496-7600-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ИЗДЕРЖКИ МОЛОДОСТИ

Мы начали разбег
Во дни, когда пустыня,
Захлебываясь зноем,
Простерлась до звезды.
Мы подгоняли век,
Боясь, что он застынет
Бесформенным изгоем
Без мысли и узды.
Мы торопились жить,
Наяривая души;
Мы порывались дерзко
Оставить в дураках
Размеренную жизнь,
И верили, что сдюжим.
Но торможенье — резко
В летящих поездах.
И открывает дверь
Нам проводник тщедушный —
И перед нами снова
Пустыня без конца.
Куда ж идти теперь,
Не знает даже Пушкин;
И не дано иного —
Как остудить сердца...

НЕПОДВЛАСТНОЕ ВРЕМЕНИ

На переломе
времен и судеб
Никто не знает,
что дальше будет:
Кого-то греет
огонь надежды;
Кому-то лучше,
как было прежде;
А кто-то в мутной
воде реформы
Живет прекрасно,
как змей проворный.
Но я – все тот же:
все так же каюсь
В своем былом,
не пресмыкаясь.

«К вам обращаюсь я, братья во Пушкине...»

К вам обращаюсь я, братья во Пушкине
И во Некрасове, и во Есенине,
Песни сложите, зовущие к лучшему,
Песни сложите тюльпанно-весенние.
Мне все равно, кто вам видится в Господе —
Будда, Аллах иль триада библейская, —
Лишь бы народы не ведали горести,
И не гноилась бы участь плебейская.
Лиры сомкните в едином звучании
С лирой Вийона и с лирою Байрона —
Ноты пусть льются мажорно-венчальные,
Но никогда, никогда погребальные.
В песнях живительных только спасение
Через любовь сквозь судьбу окаянную!
Братья во Пушкине и во Есенине,
Будьте чисты, совершив покаяние.

КОНЕЦ ВЕКА

Утерян смысл минувших дней,
Дней настоящих смысл не ясен.
«Телец золотой» в сердцах людей
Взлелеян, как младенец в яслях.
Вчерашний вор сегодня князь,
Партийный босс теперь фирмует;
Высокий дух затоптан в грязь;
Поэт угодливо рифмует.
Идем туда, где храма нет,
Где вместо храма – банк да биржа,
Где в правду метит пистолет,
А ложь – возвышенно-бесстыжа.
Теперь народу враг – народ,
Хотя вчера братались кучно;
Эстонец тем уж ныне горд,
Что он не русский иль не чукча.
Чего во имя разошлись? —
Во имя мании величия
Тех, кто случайно вознеслись
Из бессловесного безличья?
Им – наплевать на жизнь людей!
Как и на то, что в миг единый
Утерян смысл минувших дней
Сквозь дедов кровь, отцов седины...

«Мы стареем бесшумно и быстро...»

Мы стареем бесшумно и быстро
В многолюдном старенье Земли;
И судьба наша – эквилибристка —
Растворяется пылью в пыли.
Мы стареем (исход неизбежен)
Незаметно для мыслей своих.
Бег старенья безудержно-бешен,
Когда видим старенье других.
Мы стареем, но греем надежду,
Что не вся еще старость пришла.
По ночам не смыкаются вежды;
Лишь сомкнутся – и зорька взошла.
Мы стареем, но вряд ли согласны
С этой поступью строгой времен:
Как мечты наши были прекрасны!
Как звучал васильковый тот звон!
Мы стареем, и вот уже близок
Рубикон между светом и тьмой...
Шторм прошел... угасание бриза...
Вот и штиль... вот и полный покой...

МОНОЛОГ ПРОСТИТУТКИ

Нам всякий божий день
Дается хлеб насущный;
Кого благодарить,
Пусть каждый сам решит.
Нам райские сулят
За благодарность кущи,
И адских мук огонь —
Тому, кто согрешит.
А мне дается хлеб
Не добротой небесной,
Не добротой людей,
Не добротой моей —
Но мне дается хлеб
Моим грехом телесным,
Грехом моей души,
Грехом людских страстей.
И пусть гудит молва,
Что я грешна пред Богом,
Но кто, скажите мне,
Не грешен на Земле?!
Продажный этот мир
Мне видится убогим:
Ведь каждый норовит
Других предать хуле.

Кто может быть судьей?!
И кто имеет право
В сей лицемерный век
Решать, что делать мне?
Мне нужен хлеб мой днесь!
Что мне «дурная слава»!
Я продаюсь, как все! —
Нам всем гореть в огне!

«Раскрепощенная фривольна...»

Раскрепощенная фривольна
Небес раскидистая синь;
И мне уже совсем не больно —
Я новых набираюсь сил.
Невозвратно-непригодна
Куда-то сгинувшая горь.
Душа моя теперь свободна
Для зарождающихся зорь.
Благословенен и прекрасен
Грядущего священный лик.
И сам себе я не опасен,
Как океану – материк.

ГРУСТНЫЙ ОПЫТ ЖИЗНИ

На этом все! – ни слова о любви!
Пора уgomониться, отдышаться;
Пуcкай других тревожат соловьи:
Зачем теперь покоя мне лишаться?
Любовь – прекрасна! Но в конце концов
Она куда-то тихо исчезает —
И ты – как прежде – не глядишь в лицо
Той, кто тебя – уже – не замечает.
О сумасбродство чудное страстей,
Какие сны ты навеваешь властно,
Какое ожидание вестей,
Какую блажь и необъятность счастья!
В такие дни приподнята душа,
И хочется молиться Гименею,
И раем мнится скудость шалаша,
Когда вдвоем ты с ненаглядной, с Нею!
Но срок всему есть! – и редуют сны,
И ты из сказки попадаешь в будни;
Уже не так дурманен хмель весны,
И в шалаше вдруг стало как-то нудно;
Разочарованно ты смотришь вдаль,
Душа пустеет, нет былых стремлений;
И что-то всюду видится печаль,
И ты стыдишься прежних вдохновений.

И чтобы как-то скуки избежать,
Ты новую любовь пускаешь в сердце...
Увы! недолго длится благодать:
Итог все тот же! никуда не деться!
И, отдружив с печалью и тоской,
Ты, наконец, невольно понимаешь,
Что лучшее на свете есть покой,
Когда любви волнений избегаешь.
К тому же и смешно на склоне лет
Юнцом краснеть пред миловидной девой
И за спиной, смущаясь, мять букет,
Иль под её окном рыдать напевы.
...Пускай других тревожат соловьи,
Но я табу накладываю грустно
На все слова и мысли о любви,
На всё, что чем-то беспокоит чувства...

«Мне больно видеть, как в твоих глазах...»

Мне больно видеть, как в твоих глазах
Из часа в час надежда угасает,
Как прежних дней мечты твоей размах,
Как солнце на закате, убывает.
Мне больно сознавать, что ты не ждешь
От этой жизни ничего такого,
Способного изгнать из сердца ложь,
В тебя проникшую от друга рокового.
Мне больно слышать, как твой голос-плач
И слабый ветер заглушает просто,
Что ты сдалась на милость неудач
Безропотно, безвольно, без вопроса.
Мне больно чувствовать, что ты во цвете лет
Душой так быстро, резко постарела,
Как будто в жизни больше счастья нет,
Как будто ты навек, навек осиротела.
Мне больно осязать твой медленный уход
Из одиночества в безлюдную пустыню,
Что это я сорвал запретный плод
И осквернил прекрасную святыню.

СКАЗОЧНАЯ НОЧЬ

Вышел я в сад благовонный
Из дому ночью весенней;
Месяц застенчиво-томный
Нежно плескался в бассейне;
Вкруг его плавали звезды,
Яблони, розы, сирени;
Ветер медлительно-поздний
Пел, как Синдбаду – сирены;
Тополь ритмично и плавно
Ветру подыгрывал кроной;
И получалось так славно
В этой гармонии скромной,
Что ощутил я волненье
В сердце, наполненном далью,
Будто любви возрожденье
Веет откуда-то тайной.
Видно, не зря полусонный
Вышел я из дому ночью,
Чтобы в саду благовонном
Сказку увидеть воочью.

«Законы жизни создаем мы сами ...»

Законы жизни создаем мы сами —
И здесь в конфликт мы входим с небесами:
Законы неба созданы для нас,
А наши – против нас, хоть созданы и нами.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ

Ты когда-нибудь думал о том,
Отчего в этом мире жестоком
Торжествующе – «око за око» —
Зло всегда поощряется злом?
Почему так безвольно добро,
И добро от добра так далеко,
Непривычное «око для ока»
И не ново и не старо?
Ты подумай об этом сейчас,
Попытайся проникнуть глубоко
В суть явления «око и око»
Под давлением пристальных глаз.
Поспеши! – ибо в мире шальном
Ты состаришься сердцем до срока,
И тогда уже «око от ока»
Твою душу повергнет в надлом.
И тебя не сумеет вернуть
Ни одно откровенье Пророка:
Ты уверуешь в «око на око»
И сойдешь на погибельный путь.
Разорви на себе эту цепь
И не связывай звенья порока,
Чтобы хищное «око за око»
В вековую кануло слепь.

«Во дни, когда иссохнут слезы...»

Во дни, когда иссохнут слезы
У обитателей Земли,
Я подниму останки розы,
Когда-то брошенной в пыли,
Развею их с высот небесных
На очерстневшую юдоль,
Чтоб воскресить огонь чудесный —
Любви страдания и боль.
Увы! но ныне царь Мамона
Воссел на трон Всея Земли;
Он Человечность свергнул с трона...
А роза... сломлена... в пыли...

«Не пытайтесь унижить поэта...»

Не пытайтесь унижить поэта:
Он скорее умрет, чем отдаст
Свою честь на посмешище света
Под плевки свино-денежных каст.
Ведь поэт – это гордость природы,
Это высших миров благовест,
Это раб и хранитель свободы;
Все, что есть у него – это честь!
Не старайтесь обидеть поэта
Злобно брошенным словом «рифмач»:
Ведь в четырнадцать строчек сонета
Он вместил ликование и плач.
Он сумел умереть и родиться,
И опять умереть и восстать,
Чтобы вам озаренья частицы
В виде музыки строф передать.
Не гоните вовеки поэта —
Он анафемы не заслужил.
Если пел он порывами ветра,
Значит, Бог эти песни сложил.

«Если даже есть Аллах...»

Если даже есть Аллах,
Не виновен Он, что люди
Превратили совесть в прах,
И в чести средь них иуды.

Если даже допустить,
Что Аллах вершит делами,
Он не в силах освятить
Подлецов в порочном храме.

Потому что род людской
Лишь одной привержен вере:
Деньги – идол золотой;
Ложь – всему глава и мера.

И ничто уже вовек
Не изменит человека,
Оттого что век от века
Духом чахнет человек.

«И в строках, и в строфах, и в песнях, и в одах...»

И в строках, и в строфах, и в песнях, и в одах
Стремление к свободам, как будто в свободах
Спасенье от мыслей и нудности быта,
Возможность уйти от людей и событий:
Напрасны старанья, напрасны труды —
Пустое усилие – толченье воды.
В заоблачных высях, в надзвездных мирах
Витают и гений, и люмпенский страх.
И здесь, на Земле от погоды к погоде
Ты дань отдаешь несвободной свободе;
И нервные клетки казнишь ежечасно,
И больно тебе, и от боли ужасно.
И вот уже сам ты бежишь от свобод,
Обходишь стремнину, надеясь на брод.
А там уже толпы таких же, как ты,
Тщедушно отвергших опасность мечты.
И, в очередь встав, ты почувствуешь тылом,
Как кто-то тебе уже дышит в затылок.
И вновь на бумагу наносишь у брода
И строки, и строфы, и песни, и оды...

«Время теперь такое...»

Время теперь такое:
Хочешь, храни в покое;
Хочешь, воруй и славься —
Бедным красоткам нравься.
Время теперь такое —
Радостно-роковое:
Голоден люд, но сыты
Мафия да элиты.
Время теперь такое —
Запах дерьма в левкое.
К власти проползшие хамы
Роят друг другу ямы.
Время теперь такое:
Нравственность сродни изгою;
Вроде бы есть свобода,
Но не для народа.
Время теперь такое:
Плачет строка за строкою —
Честь и достоинство праху
Преданы... Слава Аллаху!
Время теперь такое...

СЛЕПОК

Стараются, я вижу, как стараются
Украсть побольше и оклеветать других:
Быть сволочью – законом не карается,
Зато карается любой свободный стих.
А он сидит, провозглашая истины,
Известные с далеких тех времен,
Куда наш взгляд теперь направлен пристально,
Где столько славных и пустых имен.
И он глаголит, будто он единственный
Постиг все тайны мудрости мирской.
И вновь противоречие – убийственно;
Глашатай разума – с простреленным виском.
Величие как мания во времени
Переплелось с трусливой быстротой —
Отвергнув прошлое подавленного племени,
Он в позапрошлом стучится на постой.
И вот уже религия – не опиум,
И вот уже покорность – благодать;
И ложь воскрешая воздвигнута на подиум,
Чтобы могла себя прилюдно продавать.
А там, внизу, где сыро и где голодно,
Народ непросвещенный топчет грязь,
Внимая сказкам тупо и безропотно,
Лишь восхваляя вслух очередной Указ.

А между тем чиновники стараются,
Не покладая рук и в поте жирных лиц
Прибрать все то, что только прибирается
В пределах наших и чужих границ.

ДАБЛРУБАИ

Я однажды пошел к мудрецу-старiku,
Чтоб узнать, сколько лет мне дано на веку
И какую мне Бог уготовил награду —
Благоденствия рая иль ада тоску.
И сказал мне старик, наблюдавший в саду,
Как пчела предавалась усердно труду
«Коль пришел ты ко мне только этого ради,
Ты – мертвец! и уже пребываешь в аду».

«Пронеслось. Улеглось. Отзвучало...»

Пронеслось. Улеглось. Отзвучало.
Но душа не смогла отойти
В предрассветный туман и начало
Своего рокового пути.

Избивали ее оголтело,
Издавались над ней, как могли,
Но она не покинула тело,
Но она не ушла от земли.

Но из бездны мучительной боли
Для души без конца извлекал
Вдохновенье живительной воли
Недоступный любви Идеал.

И душа, отвергая соблазны
Мимолетных утех и ночей,
Ежедневно летала на казни,
Изумляя своих палачей.

Потому и в туман и в начало
Своего рокового пути
Не вернется она, Идеала

Не сумев красоту обрести.

ПОГОВОРИ

Поговори со мною по душам:
Не утай ни слова, ни печали;
Не уводи в таинственные дали
Ни боль минувшую, ни грусть, ни срам.
Мы все грешны. И я не чист пред Богом,
И я вершил порочные дела,
Но никому не сотворял я зла,
Но никого я не ввергал в остроги.
Я преступал предел добра:
Оно мне возвращалось оплеухой
Или плевком, или развратной сукой,
Или предательством.... Но было то вчера.
Сегодня же, оплеванный судьбою
И оклеветанный самим собой,
Я все ж стремлюсь поговорить с тобой
О том, что связано во мне с тобою.
Но ты молчишь, иль говоришь не то...
Но ты смеешься, иль уходишь взглядом...
Что от того, что я с тобою рядом,
Когда тебя не трогает ничто?
И все же я через мои мученья
Прошу тебя: поговори со мной.
Так жаждет обессиленный больной
От безнадежной хвори излечения.

ПОСЛЕДНЯЯ ПОСЛАННИЦА

Настанет день, настанет час —
И ты предашь меня.
За сорок лет горел не раз
Я в пламени огня
Коварства, лжи и клеветы —
И весь сгорел дотла.
Зачем же послана мне ты
В изящной форме зла?!
Не для того ль, чтоб возродить
И, насладившись властью,
Опять меня испепелить,
Отдав другому страсть?
Или в один прекрасный миг,
Насытившись игрой,
Ты бросишь мне: «Прощай, старик!
Мне скучно быть с тобой».
Предвижу это, но терплю,
Как прежде... и не раз...
Лишь потому, что я люблю
В тебе мой смертный час.

«Я у осени сижу...»

Я у осени сижу
И гадаю:
Как ты будешь без меня,
Дорогая?
Станешь ли для этих
Иль вон тех
Ты игрушкой для забав
И утех?
Или по миру пойдешь,
Проклиная
Тех, кто вырвал из тебя
Корни мая?
Или песню обретешь
Из лучей
В честь безумствующих дней
И ночей?
Кем ты будешь без меня,
С кем ты будешь?
Сохранишь мои стихи
Иль погубишь?
Да и вспомнишь ли потом
Тихий пруд,
Где спасались мы с тобой
От иуд?

Что ты будешь без меня,
Дорогая?
Замерзаю, без тебя
Пропадая...

«Ты привыкла играть ежедневно...»

Ты привыкла играть ежедневно
На кого-то похожую роль:
То маньячку копируешь нервно,
То дублируешь чуждую боль;
То вдруг радость твоя громогласна;
То ты тихо смакуешь обман;
То развязность твоя сверхопасна,
Когда весь путанирует стан.
Понаслышке, по слухам, по фильмам,
По дешевым примерам подруг
Ты живешь пустотою обильной,
Не вникая, кто враг, а кто друг.
И, тебя наблюдая безмолвно
В окруженье тупых кобелей,
Я рыдаю душою невольно
По бессмысленной жизни твоей.
И сквозь слезы, текущие в титры,
Через сердце скребущую боль
Я молю: не играй в эти игры,
Эту в корне бездарную роль.

«По ухабам ночных звездопадов...»

По ухабам ночных звездопадов,
По дороге несбывшихся грёз
Ты идешь в направлении гроз,
Где гремят в твой помин канонады.
Ты проходишь последний свой круг, —
А за тучами, в Космосе где-то
Твоя песенка молнией спета,
И душа не находит подруг.
Ты отвергнут, отторгнут, отброшен;
Твое сердце, как плазма, в жару.
Даже здесь, на последнем пиру
Ты – чужак, ты – изгой, ты – непрошен.
И тебе остается принять
И пройти скорбный путь без остатка.
Эта жизнь – изначально загадка,
И отгадки не стоит искать.
Потому и гремят канонады,
И дорога ведет в никуда,
И твоя упадает звезда,
Попадая в поток звездопада...

«Поймешь и ты – настанет срок, ...»

Поймешь и ты – настанет срок, —
Как без тебя я одинок,
Как без тебя на склоне дней
Возненавидел я людей.

И ты поймешь, как понял я,
Что суть земного бытия —
(Хоть бредом это назови)
Познать восторг и скорбь любви!

Я верю в то, что ты поймешь,
Как сокрушительная ложь
Сметает все в единый миг,
Все!... даже то, что не постиг.

Но вот сумеешь ли понять,
Что очень просто потерять
С трудом нажитый капитал —
Души чистейший идеал?

«Как долго я старею...»

Как долго я старею,
Как долго я терплю
Свое «Совсем не верю»,
Свое «Навек люблю».
Проходят годы глупо,
Проходит жизнь во бред:
Куда не глянь – все тупо;
Что не скажи – во вред.
Бытует и резвится,
Тревожит и гнетет,
Что эти рожи-лица
Ничто не проберет.
Чем дальше, тем не лучше;
Чем дальше, тем черней;
Бесчинствует плюющий,
Отвергнут Гименей.
И лишь одно в спасенье,
И лишь одно во мне
Хранится утешенье
В сердечной глубине —
Что долго так старею,
Что долго так терплю
Свое «Совсем не верю»,
Свое «Навек люблю».

«Мне хочется, чтоб ты была со мной...»

Мне хочется, чтоб ты была со мной
Во всех моих победах и паденьях,
В моей тоске, в моей тиши ночной,
Во снах моих и светлых пробужденьях.
Мне хочется смотреть в твои глаза
И утопать в их глуби просветленной;
Поведать то, что не успел сказать
Об одиночестве и жизни утомленной.
Мне хочется уверенным быть в том,
В чем быть уверенным никто не может...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.